

УДК 111

© *Наталья Еремеева*
преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД (Беларусь),
кандидат философских наук

© *Natalya Eremeeva*
Lecturer of the Social and Humanitarian Disciplines
dept. of the Mogilev Institute of the Ministry
of Internal Affairs (Belarus),
Ph.D in Philosophy

ОНТОЛОГИЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Данная статья представляет собой историко-философский анализ становления и развития медиафилософии. Рассматривается проблема определения понятия медиа, проводится разграничение между понятиями медиа и средствами коммуникации. Логика обнаружения медиареальности раскрывается через ряд историко-философских сюжетов, таких как создание французской «Энциклопедии» XVIII века, археология гуманитарных наук М. Фуко, череда «поворотов» в философии. Обосновывается различие между пониманием виртуальной реальности и медиареальности. Делается вывод об особом онтологическом статусе медиареальности как единстве бытия и небытия, сознания, опыта и действия человека и общества в их коммуникативной обусловленности. Подчеркивается продолжающееся становление медиафилософии как открытой научной дисциплины и предлагается к разработке прогностическое и ценностно-ориентировочное направление медиафилософии.

Медиафилософия все еще остается новой областью философских исследований, несмотря на то что медиареальность уже давно и прочно стала нашей общей реальностью. Философы, социологи, политологи и культурологи почти полвека отвечают на глобальные вызовы, формируя межпредметное поле в стремлении осмыслить постоянно развивающийся мир медиа, а представители средств массовой информации, современного искусства и пользователи Интернета творят его и осваивают его пространство. Медиафилософия демонстрирует признаки становящейся дисциплины — терминологические расхождения, открытое проблемное поле, обширный вследствие попыток освоения новой отрасли методологический аппарат. Даже «основной вопрос» медиафилософии — что есть медиа — остается открытым. Данная статья демонстрирует проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются современные исследователи в области онтологии медиареальности. Для как можно более полного рассмотрения

природы медиареальности в рамках данной статьи в качестве базовых использовался метод историко-философского анализа, описательный и спекулятивный метод и элементы метода текстологического анализа. Также в статье анализируется возможность определения границ основного предмета медиафилософии — медиареальности, для чего используется метод сравнительного анализа и проводится сопоставление медиареальности с предметами смежных областей — виртуальной реальностью и средствами коммуникации.

На вопрос, что такое медиа, нет однозначного ответа. Спектр определений широк и во многом зависит от интересов исследователя. Уже классическим стало понимание медиа как внешних расширений человека [1, р. 45]. Максимально широким является, на наш взгляд, определение медиа, представляющее их и как «способ коммуникации, и орудие производства, и изощренный способ симуляции, и орудие политической борьбы» [2]. Однако декларируемое расширение термина имеет, кроме очевидных достоинств, столь же очевидные недостатки. Первые способствуют имплицитному включению в область интересов медиафилософии практически неограниченного спектра явлений общественной жизни и культуры как в современной, так и в историко-философской перспективе.

Во многом данный подход обусловлен многозначностью латинского слова *medium(a)* — середина, нечто среднее, занимающее промежуточное положение, общество, общественная жизнь, гласность, общественное благо, всеобщее достояние [3]. В понимание медиа органично вплетается и понятие «медиум» — посредник, связующее звено, как, например, представляет себя Парменид в общении с богиней Дикэ, которая изрекает поучения и требует «воспринять ее слово» [4, с. 295]. Столь обширное покрытие предметного поля позволяет провозгласить и обосновать тезис «все есть медиа» [5, с. 8]. Однако основной недостаток приравнивания медиа ко всему на свете — размытое представление о том, где заканчиваются медиа и есть ли нечто, что не может быть определено как медиа, что также отмечают исследователи [5, с. 8]. Более того, понимание медиа как сообщения, носителя информации инструментализируют последние, приравнивая их к средствам коммуникации [1, с. 46], и различие между медиафилософией и философией медиа (по аналогии с философией бизнеса, спорта, тела и так далее) или медиатеорией здесь очевидно — в том числе и как разница методологических подходов, когда речь идет прежде всего о непродуктивности инструментального метода в границах медиафилософии [5, с. 10].

Таким образом, медиа как внешнее — предмет, средство — не является предметом медиафилософии. Философский подход к пониманию

медиа предполагает обращение не к самим медиа, а к реальности, ими сформированной и нуждающейся в их непрерывной работе, а также к эффектам и последствиям, которые они произведут в сознании и обществе [6, с. 73–74]. Также задача определения медиа с философской точки зрения усложняется необходимостью их классификации, которая даже в «школьной» теории медиа [7] уже грозит превратиться в приведенную М. Фуко с отсылкой к Борхесу китайскую классификацию животных [8, с. 28].

Предполагая нахождение предмета медиафилософии в историко-философской перспективе, обратимся, во-первых, к появлению в культурном пространстве XVIII в. «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел». Вдохновителям и создателям этого издания Д. Дидро и Ж. Л. Д’Аламберу удалось предьявить читающему сообществу не просто сборник научно-популярных статей на разные темы, но и символ эпохи, воплощение идей, ценностей и взглядов Просвещения, коммуникативное лидерство авторов, выраженное посредством использования престижных языковых форм [9].

Интересен пример статьи Л. де Жокура о путешествии, практика которых стала популярной в относительно мирной Европе второй половины XVIII века, еще не познавшей потрясений Французской революции. Люди отправлялись в путешествие по причине познавательных, торговых, религиозных и образовательных интересов, и де Жокур подчеркивал, кроме этого, еще и пользу путешествия для развития личности, почему и настаивал на необходимости для каждого хотя бы раз в жизни совершить значимое путешествие [10].

Воспитание, внимание физическому развитию и распространению научных знаний, формирование единого прогрессивного (в противовес ретроградному клерикально-деспотическому) взгляда на многообразие объектов социальной жизни снискало просветителю звание «философ» и способствовало появлению новой дискурсивной практики — научно-популярного дискурса. С точки же зрения социальных связей общественное мнение, формирование публичного пространства, критика существующего положения дел вызвала появление новых форм общения между людьми [10]. Таким образом, именно «Энциклопедия» стала интеллектуальной почвой для Французской революции, так как обусловила принципиальную возможность сплочения людей на основании идей, стала «авторитетным и прочным фундаментом для консолидации всех прогрессивно настроенных сил страны» [11]. Безусловно, не только «Энциклопедия» явилась причиной революции во Франции, большое влияние на политическую атмосферу Франции оказали и американские события

1776 года, и закономерности экономического развития, но и многолетняя работа одного из самых авторитетных медиа эпохи, его влияние на общество, популярность его авторов, последствия влияния и собственное отрицание иррациональностью революции может служить примером особой реальности, созданной медиа.

В качестве второго историко-культурного сюжета на пути поиска предмета медиафилософии рассмотрим археологию гуманитарных наук М. Фуко. В конце XVIII века, согласно мысли Фуко, вещи перестают восприниматься прежним способом [8, с. 243] — отметим, что это не первая в истории человечества смена эпистемы, то есть отношения слов и вещей в порядке познания, но данная ситуация интересна нам потому, что приводит к установлению современного способа мышления. В отличие от прежнего порядка тождества и различия новое знание создается аналогиями и последовательностями, внутренними связями элементов, системами, организациями, которые обеспечивают выполнение элементами своих функций. Науки вступают в новые отношения друг с другом, новая эпоха рождает все эмпирическое и недолговечное [8, с. 245]. Можно предугадать мысль Фуко о как нельзя лучшем соответствии этой новой эпистеме неклассической философии без метафизики, философии зависимой, опосредованной чем-то уже осуществленным — Фуко настаивает на уже осуществленном мышлении, но можно дополнить этот список новых оснований философии и уже свершившимися научными открытиями или техническими достижениями. Как и почему происходит смена эпистемы? Фуко, опираясь на примеры ряда научных изысканий, резюмирует, что в порядке познания открывается единая для всего познавательного пространства закономерность — всякое представление определяется внешними по отношению к нему самому условиями, не сводимыми к самому представлению, взаимосвязь представлений не обосновывается больше, исходя из них самих [8, с. 265].

Особенное внимание французский мыслитель уделяет языку, анализируя философию Ф. Ницше и подчеркивая тот ставший очевидным для XX века факт, что «в том, кто держит речь и, еще глубже, владеет словом — именно здесь сосредоточивается весь язык» [8, с. 327]. С помощью анализа картины Веласкеса «Менины» [8, с. 330] Фуко демонстрирует, как объект и субъект, король и художник то и дело мгновенно меняются местами, при этом настоящим хозяином «королевского места», на котором сосредоточены взгляды всех персонажей полотна, является зритель — человек, в реальности созерцающий картину. Недаром Фуко открывает нам важнейшее открытие новой, современной эпистемы именно через призму культуры, посредством визуального образа, медиа,

каким является картина, — открытие человека «в его двусмысленном положении познаваемого объекта и познающего субъекта; разом и властитель, и подданный, наблюдатель и наблюдаемый» — человек становится бытием в его собственном опыте переживания [8, с. 334].

Неклассическая философия, открывшая человека в его экзистенции, возвращается назад к бытию [12, с. 10], чтобы совершить еще одно фундаментальное открытие — любая реальность немыслима и не имеет смысла без человека, творящего ее и ей же подчиненного. Также и существование особой реальности, создаваемой медиа, предполагает человека как место ее осуществления, опыта и воздействия. Прежде чем открыть, наконец, эту новую реальность как предмет медиафилософии, необходимо в третьем историко-философском сюжете рассмотреть логику ее обнаружения, которая яснее раскрывается через историю «поворотов» — метафорическое название осознания появления на философском горизонте нового направления мысли [6, с. 14]. Хотя сам концепт «поворота» появился в научном обиходе в XX веке, идея обращения к истокам, обнаружения в прошлом доселе не открытых смыслов столь же стара, сколь и сама философия. Первоначально идея поворота, широко осуществляемая на практике, не имела строго очерченной терминологической конфигурации — призывы к возвращению назад, обращению к чему-либо или кому-либо (природе, вещам, Канту) то и дело звучали со страниц философских трактатов [6, с. 8–9]. Онтологический поворот Н. Гартмана и М. Хайдеггера стал реакцией на посткантовское засилие гносеологического подхода в философии, но при этом и самого Канта «обвиняют» в порождении провозглашенного им «коперниканского переворота» в теории познания, преодолевшего ограничения сенсуализма Нового времени [6, с. 9, 14]. Сущность «коперниканского поворота» определяет сам великий философ уже в предисловии к «Критике чистого разума» — как Коперник переместил центр вращения мира на Солнце, так следует перенести мерило познания с вещей на человека, точнее, на его способности познания, допустив предположение, «что предметы должны сообразоваться с нашим познанием» [13, с. 17]. Вещи, познаваемые в опыте рассудком, — феномены — должны согласоваться с правилами рассудка, «которые я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы» [13, с. 19]. Поворот Канта — краеугольный камень, на котором базируется любой другой поворот неклассической философии. Он был преодолен, но не побежден чередой последующих поворотов, став основой методологии гуманитарных наук. Познающий со своими способностями отныне включен в процесс становления мира явлений, и здесь отмечается «неклассичность» Канта — наблюдатель вынужден наблюдать,

так как уже наблюдает, познающий вынужден познавать, так как уже познает, и «проходящее через него содержание», опыт оцениваются с позиции «здесь и сейчас» [14]. Генетическую связь с онтологическим поворотом Хайдеггера можно увидеть в этой же позиции понимающего, когда понимание явлено не как классическое познание, а как само бытие человека [14].

Лингвистический поворот XX века «к исследованию того, как мы говорим о мире», к языку, «который не только говорит, но и мыслит себя сам» [6, с. 12–13], не только обогащает философский словарь англоязычным термином *linguistic turn*, который быстро стал общепризнанным, но и подчеркивает особый статус языка как реальности. Центральными вопросами философии становятся вопросы языка — весь мир есть язык или текст [6, с. 16]. Однако нельзя не заметить, что в медиапространстве текст быстро сдается под натиском образа, важнейшей части информационного поля современности. Визуализация на экране, связанная с развитием новых средств коммуникации, изменяет наше представление о реальности, что и отражает проблематика иконического поворота — «то, что видит человек... становится его внутренним Я, выражается (является) в коммуникации с другими, в понимании реальности» [6, с. 23]. Тем не менее, если образ замещает нашу психологическую реальность, внешняя реальность остается, образ еще не отменяет ее. По словам Ж. Бодрийера, «в образе проявляются и потребляются наши фантазии» [15, с. 15]. Более того, факт видимости чего-либо посредством образа отменяет факт реального присутствия, если речь идет о средствах коммуникации, знаки заставляют нас отказываться от действительности, событие, видимое нами посредством массовых коммуникаций, — «это поистине то место, где ничего не происходит» [15, с. 15]. Иконический поворот позволил говорить о виртуальной реальности, где «смыслы знаков глубоко индифферентны... и средства информации... дают нам потреблять знаки в качестве знаков, удостоверенных между тем образом действительности» [15, с. 16]. При этом границы между реальностью внешней и виртуальной становятся все более прозрачными, но все же остаются, ибо «зрелище... всегда ориентировано на точное воспроизведение обыденного восприятия мира» [16, с. 158]. Технический прогресс на службе индустрии массовой культуры делает необходимым «удвоение эмпирической предметности» [16, с. 159], тем не менее бегство от вседовлеющей массовой культуры остается возможным, виртуальная реальность — преодолимой именно там, где открывается ее нереальность, где медиа определяется как фабрика фантазмов, симулякров: «Мы не интерпретируем то, что видим, мы видим то, что представляем» [17, с. 14].

Список поворотов до сих пор остается открытым. В осознании их проблематики философская мысль приобрела навык обнаружения новых измерений человеческого бытия в меняющемся мире. Научные открытия на много тысяч порядков увеличили поток циркулирующей в обществе информации, что привело, по мнению П. Фейерабенда, к подрыву объективных критериев ее легитимизации. «Кто бы мог раньше подумать, что граница между субъектом и объектом, бывшая частью научной аргументации, будет поставлена под сомнение», — задается риторическим вопросом Фейерабенд [18, с. 18], и его рассуждения о научном прогрессе вполне применимы к прогрессу техническому. Быстрое развитие цифрового принципа обработки информации подрывает ее объективность, так как позволяет вмешиваться даже в образ, манипулировать им [17, с. 14]. Повороты научили нас не воспринимать реальность объективно и сделали данностью ее приватизацию, опосредование — рассудком, опытом, языком, телом, образом. Наличие посредника, то есть любого из перечисленных и каких-либо еще уже существующих или в будущем изобретенных видов медиа, «опосредует наше восприятие, открывает сокрытое, является первосущим» [6, с. 39]. Медиафилософия уравнивает все возможные механизмы медиа, обращаясь не к предметам и средствам коммуникации, а к процессу восприятия, отношений, эффектов медиа, к медиа как условию конструирования реальности [6, с. 27, 40].

Выше уже было сказано о возможности выхода из виртуальной реальности в настоящую, реальную реальность. Именно поэтому в рамках медиафилософии необходимо подчеркнуть следующее различие: если виртуальная реальность преодолима в силу возможности ее внутреннего разделения, то реальность, раскрывающаяся через медиа, является единственной доступной нам реальностью, когда речь идет о философском понимании природы медиа. Виртуальная реальность противопоставляет себя миру, является лишь возможной реальностью, бегством от настоящей жизни и осуществляется с помощью технических средств [19, с. 4]. Техническая природа интерактивных средств коммуникации здесь позволяет нам увидеть и проиллюстрировать обратимость субъект-объектной позиции коммуниканта, тотальность и даже тоталитарность, на чем настаивают М. Хоркхаймер и Т. Адорно [16, с. 122], формирования информационно-культурной среды. Сущность же медиареальности — быть эпифеноменом медиа, самой медиальностью, восприятием мира, необходимым условием сообщаемости о себе и приобщения к другому [2].

Медиафилософский подход к изучению реальности — подлинной медиареальности — провозглашает также и тезис о том, что медиа используется нами в той же мере, в какой медиа использует нас [5, с. 20]. Доказанный факт о формировании сознания посредством речевой коммуникации позволяет говорить о сознании как эпифеномене медиа, поскольку речь есть не что иное, как медиа, и язык «как базовое выражение медиареальности может служить иллюстрацией прочих медиа» [20]. Однако сам язык может мыслиться порождением хаоса, «поскольку все основные компоненты структуры языка... имеют немотивированную природу» [20]. В таком случае следует признать, что и медиа сохраняют признаки хаотического образования, и с полным основанием порожденная ими медиареальность может мыслиться как медиа-нереальность, медиа-небытие. Возвращая нас к ключевому вопросу философии о соотношении бытия и небытия, проблема медиареальности перестает быть модной научной темой, но становится способом понимания реальности как таковой, точнее, способом ее узнавания, поскольку подлинный смысл «мы обнаруживаем... именно в нас самих» [21, с. 11]. Медиа перманентно существуют во взаимоотношении бытия-небытия, скрываясь за создаваемой ими реальностью «общественного мнения», которое «можно прочесть в газетах, но никогда — в той или иной определенной газете» [21, с. 11].

Как индивидуальное, так и коллективное сознание противопоставляется «бессознательному» как проговоренное невербализованному [20], поэтому может быть познано только в становлении, образовании связей, формулировании высказываний, в статусе вероятном и возможном [19, с. 4]. Медиареальность не предстает в классических субъект-объектных оппозициях, но является единством бытия и небытия, сознания, опыта и действия человека и общества в их коммуникативной обусловленности. Становление коммуниканта — живой единицы нарождающегося медиателя [19, с. 9] — процесс, вызывающий сегодня бурные дискуссии, зачастую с преобладающей негативной оценкой происходящих событий. И все же нельзя забывать, что осмысление медиареальности — это смена философской парадигмы, отражающая уже ставшее, случившееся в мире. В отличие от череды предшествующих «поворотов», открытых философами — творцами теоретически построенных «новых» реальностей, медиаповорот фиксирует реальность действительно новую, порожденную взрывным техническим развитием и продолжающую трансформироваться и трансформировать нас далее, в связи с чем представляется важным становление медиафилософии как межпредметной дисциплины, способной не только к познавательной, но и

к прогностической, и к ценностно-ориентирующей активности. Понимание медиа, выстроенное лишь в утилитаристской парадигме производства-потребления, уже породило невиданное прежде в мире неравенство, поэтому отказ от позитивистской модели, возвращение ценностной составляющей в философию, в том числе в рамках медиафилософии, представляется своевременным и необходимым.

Список основных источников

1. McLuhan, M. *Understanding Media. The Extensions of Man* / M. McLuhan. — Massachusetts : The Mit Press, 1994. — 390 p.
2. Савчук, В. В. О предмете медиафилософии / В. В. Савчук // *Международн. журн. исслед. культуры*. — 2011. — № 3 (4). — С. 6–10.
3. Дворецкий, И. Х. *Латинско-русский словарь: 200 тыс. слов и словосочетаний [Электронный ресурс]* / И. Х. Дворецкий. — Режим доступа: <http://linguaeterna.com/vocabula/alph.php>. — Дата доступа: 28.03.2023.
4. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики / отв. ред. И. Д. Рожанский. — М. : Наука, 1989. — 576 с.
5. Савчук, В. В. *Антология медиафилософии* / В. В. Савчук. — СПб. : Изд-во РХГА, 2013. — 339 с.
6. Савчук, В. В. *Медиафилософия. Приступ реальности* / В. В. Савчук. — СПб. : Изд-во РХГА, 2014. — 350 с.
7. Кирия, И. В. *История и теория медиа* / И. В. Кирия, А. А. Новикова. — М. : Издат. дом ВШЭ, 2017. — 781 с.
8. Фуко, М. *Слова и вещи* / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. — СПб. : А-сad, 1994. — 407 с.
9. Герасимова, С. А. Популяризация нового научного знания: дискурсивное экспертное сообщество XVIII века / С. А. Герасимова // *Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика*. — 2019. — Т. 16. — № 2. — С. 5–12.
10. Герасимова, С. А. Деятельность просветителя-энциклопедиста как отражение интеллектуальной культуры XVIII века / С. А. Герасимова // *Науч. диалог*. — 2021. — № 4. — С. 28–41.
11. Купцов, В. И. *Духовная атмосфера предреволюционной Франции (вторая половина XVIII в.)* / В. И. Купцов, С. В. Девятова // *Социал.-гуманитар. знания*. — 2011. — № 5. — С. 181–206.
12. Хайдеггер, М. *Бытие и время* / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библихина. — Харьков : Фолио, 2003. — 503 с.
13. Кант, И. *Сочинения на немецком и русском языках : в 4 т. / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой* // И. Кант ; Ин-т философии РАН. — М. : Наука, 2006. — Т. 2. *Критика чистого разума*. — Ч. 1. — 1081 с.
14. Савинцев, А. А. *Кант и коперниканский поворот* / А. А. Савинцев // *Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер. Философия. Филология*. — 2009. — № 1 (5). — С. 73–81.

15. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Е. А. Самарской. — М. : Республика : Культур. революция, 2006. — 269 с.
16. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно ; пер. с нем. М. Кузнецова. — М. ; СПб. : Медиум : Ювента, 1997. — 187 с.
17. Савчук, В. В. Философия фотографии / В. В. Савчук. — СПб. : Акад. исслед. культуры, 2015. — 335 с.
18. Фейерабенд, П. Прощай, разум / П. Фейерабенд ; пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М. : АСТ : Астрель, 2010. — 477 с.
19. Савчук, В. В. Медиафилософия: формирование дисциплины / В. В. Савчук. — СПб., 2008. — 33 с.
20. Иваненко, А. И. Сознание и медиареальность / А. И. Иваненко // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. — 2011. — № 3. — С. 72–79.
21. Декомб, В. Современная французская философия / В. Декомб ; пер. с фр. М. М. Фёдоровой. — М. : Весь мир, 2000. — 345 с.

ONTOLOGY OF MEDIA REALITY

This article is devoted to historical and philosophical analysis of the formation and development of media philosophy. The problem of defining the concept of media is considered, a distinction between the concepts of media and means of communication is made. The logic of media reality detection is revealed through a number of historical and philosophical plots, such as creation of the French «Encyclopedia» of the XVIII century, archeology of the humanities M. Foucault, and series of «turns» in philosophy. The difference between the understanding of virtual reality and media reality is substantiated. The conclusion is made about the special ontological status of media reality as the unity of being and non-being, consciousness, experience and actions of man and society in their communicative conditionality. The ongoing formation of media philosophy as an open scientific discipline is emphasized and it is proposed to develop a prognostic and value-oriented direction of media philosophy.